

И. Е. ЗАБЕЛИН
ДНЕВНИКИ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

*Составитель выражает глубокую благодарность за помощь,
оказанную в работе над изданием:
сотруднику Института археологии РАН А.А. Формозову, сотруднику
рукописного отдела РГБ И.В. Левочкину, искусствоведу-реставратору
института «Спецпроектреставрация» Н.С. Датиевой, сотрудникам отдела
письменных источников ГИМ Н.Б. Быстровой, М.В. Катагощиной,
Н.Б. Стрижовой, сотрудникам отдела изобразительных материалов ГИМ
Т.Г. Сабуровой, И.А. Семаковой, сотруднику археографической лаборатории
кафедры источниковедения исторического факультета МГУ В.И. Ерофеевой*

Подготовка текста, предисловие, комментарии
Н. А. КАРГАПолова

Редактор
Н. П. ЛИБКОВА

Оформление серии
С. И. СЕМЕНОВ

Федеральная программа книгоиздания России

Забелин И. Е.

Дневники. Записные книжки. — М.: Издательство им. Сабашниковых,
2001. — с. 384.

ISBN 5-8242-0082-3

Первая публикация дневников и записных книжек, которые знаменитый историк вел более 60 лет (1837—1908 гг.). Рассказывая о встречах с самыми разными людьми: либералами и консерваторами, чиновниками и деятелями культуры, предпринимателями и аристократами, Забелин создает уникальный портрет эпохи. Мы видим его на заседаниях научных обществ и археологических раскопках, в хлопотах по созданию Исторического музея... Будучи очевидцем освобождения крестьян, общественных реформ, революционных событий начала XX в., Забелин с тревогой всматривается в будущее, размышляет об историческом пути и предназначении России.

*Оригиналы рукописей и иллюстраций
хранятся в Государственном Историческом музее*

ISBN 5-8242-0082-3

© Издательство им. Сабашниковых, 2001

Содержание

К читателю	5
Предисловие	7
Дневники	24
Записные книжки	220
Приложение	278
Комментарии	290
Указатель имен	376

Забелин Иван Егорович

ДНЕВНИКИ ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Редактор Н.П. Либкова
Корректор Г.С. Бабкова
Компьютерная верстка Н.А. Кильдишева

Лицензия №060432 от 23.03.99

Подписано в печать 29.05.01

Формат 60×90¹/₁₆

Тираж 3000 экз.

Заказ № 1705

Издательство им. Сабашниковых
119270, Москва, Фрунзенская набережная, 38/1

Отпечатано в ППП Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

По вопросам распространения обращаться
по тел. 242-59-63

ДНЕВНИКИ

1837—1844 гг.

1. Отчет. 11 ноября 1837 года, четверг. Я высвободился из тяжелых объятий Сиротского дома и поступил на службу в Канцелярию Оружейной палаты¹.

2. 24 февраля 1838 года. На второй неделе Великого поста в четверг был вечер довольно замечательный для меня по происшествию.

3. 12 июня 1838 года. В воскресенье ходил в Косино². Питаясь чистым воздухом и рассматривая дивную, величественную природу, я провел там время довольно приятно*.

2 июля 1839 г. Письмо, в котором муж сестры отца Анны Степановны, сообщает, что отец и мать отца умерли в 1833 г.

Братья отца: Алексей Степанович, Андрей Степанович. Сестры: Пелагея Степановна, Авдотья Степановна, вдова, Анна Степановна, жена дьяка в Кашине Николая Ивановича Метлина, погоста Успенского, что на Болоте.

Март 1840 г. Получен портрет отца³ от Андрея Степановича Забелина, Бежецкого уезда села Андреевского, священника.

В дневнике записано: 14 января, 1840 г., воскресенье. С этого дня я решил записывать все, что случится со мною замечательного. Записывал одни глупые чувствования, вспышки любви и т. п.**.

26 января. Пятница. Был на именинах у Тон⁴. Вспышка.

4 мая. Суббота. В Сокольниках на даче Ивана Николаевича Давыдова⁵.

12 мая. Воскресенье. О, Боже мой. Зачем же раны в душе моей открылись вновь. И в сердце мне опять незваный гость залетел... Опять любовь...

23 мая. Четверг.

* Под этой записью приписано: «Верно, 1838 г. Июня 17 дня, в пятницу».

** С этого места помещаются дневниковые записи начала 40-х годов, не обнаруженные в архиве и переписанные Забелиным в более поздние годы.

Я на горах, вдали привольно
 Москва раскинулась, глазам
 Смотреть на дома трудно, больно,
 Так много их и здесь и там.
 Как неподвижно, как безмолвно
 Они стоят вокруг Кремля
 Какой-то тайной думы полны
 И тихо все — молчит земля.

26 мая. Воскресенье. У Смирновых, с ними в Сокольниках.

27 мая. Понедельник. Познакомился в Оружейной палате с чудищем французом, который показывал громадную коллекцию литографий раскрашенных.

7 ноября 1840 г. Иван Михайлович Снегирев⁶ рекомендовал меня, как любителя русских древностей, Павлу Михайловичу Строеву⁷, известному археологу. Это для меня очень лестно, это мне очень дорого. Сколько надежд и каких надежд. — Рекомендую вам, сказал Снегирев, — молодого любителя древностей, прошу не оставлять его советами, вспомоществованием. Потом рассказывал, где я воспитывался, как образован и прибавил: у нас мало таких людей, которые из собственного рвения, из любви к науке занимались.

10 ноября. Ходил с маменькой⁸ и Николаем Парамоновичем Дьяконовым к Смирновым. Пустое знакомство, однако с сетями для ловли жемчуга.

2 апреля 1841 года. Среда. На Святой домашний театр, танцы, много барышень — все устроил Алексей Федорович Сахаров⁹, на Арбате у фортепьянного содержателя и актера.

21 апреля. Был у Снегирева. Очень уж он льстит мне, но это очень ободряет меня.

28 апреля. Понедельник. В Палате был Чертков¹⁰ с женой, губернатор Сенявин¹¹ с женой и Снегирев, который рекомендовал меня Черткову, как председателю Общества истории и древностей, уж чересчур много лестного для меня наговорил он Черткову. — Это будущий археолог, я уступлю ему свое место и т. п. — Красавица Сенявина обворожила меня своим вниманием. А я представлялся им в очень потертой шинели, совсем неуклюжим рабочим.

10 мая. Суббота. Поверял надписи в Успенском соборе с Снегиревым.

30 мая. Пятница. Был у Снегирева, носил ему надписи, разговаривали о вехе Екатерины.

22 октября 1841 г. Ходил знакомиться с каким-то Николаем Семеновичем Зыковым по просьбе любезного Сергея Михайловича. Что-то от меня нужно. Оказалось — чудеса — меня просят, чтобы я помещал статьи в «Губернских ведомостях»¹². Совсем не ожидал... От меня требуют статей, а я еще не умею писать их. — У нас, — говорит, — составлен Статистический комитет¹³ для описания Москвы во всех отношениях. Но работать

надо безвозмездно. Зыков выказывался каким-то петиметром, пустоголовым. Просил заходить по вечерам.

22 декабря. Воскресенье. Был у Ивана Михайловича Снегирева с статьею о Троицких походах¹⁴. Он строго разбирал ее, но только в отношении к слогу и разным неправильным выражениям. Что же касается до изложения и размещения материалов, то все оное похвалил, но как-то холодно, безучастно.

25 декабря. У Ахлебаева. Старушка незнакомая предсказала мне, что я женюсь на хорошей и богатой, только с тем, чтобы не женился на первой, которая будет свататься, а на другой. Эта будет по нежностям добрее. Еще говорила, что я не изменюсь в характере.

30 декабря. Понедельник. У Тон играли в фанты. Анна Карловна.

31 декабря. Накануне 1 января 1842 года на маскараде в Немецком клубе*.

31 декабря и 1 января 1842 года. Был окружен масками, по выражению Лермонтова, стянутыми приличьем, т. е. был в Собрание¹⁵. Преглупая вещь там бывать. Совсем не нахожу удовольствия.

13 июня 1842 года, суббота. Иван Михайлович рекомендовал меня Ивану Григорьевичу Сенявину, губернатору гражданскому. При прощании просил статьи для «Губернских ведомостей».

Один одинешенек брожу целый день без определенной цели, без определенной мысли. Мне кажется, я не думаю ни о чем. Одно только увлекает меня — люблю подслушивать и подсматривать природу. Как это я делаю — трудно, да и, может быть, смешно об этом рассказывать. Смешно рассказывать тайны первого юношеского увлечения, первые порывы любви, более нежели смешно — глупо. Так, по крайней мере и мне, да я думаю, и всем это кажется. Смешно ли, глупо ли это в самом деле — не знаю. Но мое влечение подслушивать и подсматривать природу имеет много общего с тайнами сердца и поступков первой невинной, простодушной и чистосердечной любви. Да и это требование моей природы, требование природы человека. Выражение этих потребностей смешно для нас, воспитанных церемонно, натянута, на ходулях. Простого, непосредственного отношения к природе мы не имеем.

Над прудом. Жужжание стрекозы. Хорошо на солнце. Все наслаждается бытием. Один только человек страдает во всех сферах бытия, на всех ступенях развития. Я не знаю ничего, не учен: что такое рыба, жук и т. д. Я хорошо не понимаю ни класса, ни вида, не знаю, как назвать растение, цветок, но ко всему этому чувствую неодолимое какое-то влечение, любовь самую полную, хотя и не осознанную ясно, похожую на стремления юноши, которые незначительны**, но которые создают идеал. Человек до сих пор не разделил еще себе земли и ссорится из этого. Оно, конечно,

* Заканчиваются записи 40-х годов, переписанные в дневниках позднее.

** Так у автора.

смешно видеть порядочного человека, копающегося в песке, собирающего камушки и пр.

Когда злодейка судьба вас разнесет по белу свету
 Неужли вы, мои друзья
 Мои веселые студенты¹⁶
 Неужли в суете миренной
 Совсем не вспомните порой,
 Про жизнь в Москве, про Пашков дом
 Про наши скромные кварталы*
 Про смех всегдашний перед сном
 Про тьму табачной атмосферы
 Про то, как Федор Александрыч
 Клопов нещадно убивал
 И как сосед Потап Иваныч
 Нам часто ночью досаждал
 И про фонарь, что так печально
 в окно порою нам светил.

С сокрушенным сердцем, едва ли не с отчаяньем я гляжу на себя, на свои силы. Я теперь похож на того безумца, на того русского Икара, который, помните, во времена разрушения Московского царства и возрождения русской империи, объявил за собой государево «слово и дело»¹⁷ — хотел улететь далеко от земли, далеко от всего, что только связывает, обезоруживает человека. Последствия его безумства известны, я в некоторых чертах похож на этого безрассудного. А Тантал? Я и на Тантала похож по несчастью. Под гнетом замыслов несовершенных душа моя ожидает дела, как пищи, как воздуха, которым она только и может дышать. И, страдалец, я не могу удовлетворить этой чудной потребности, я не в силах утолить эту пламенную жажду, от которой горят уста, сохнут очи, грудь хочет растрескаться. И ужели мне суждено с каждым днем, с каждым часом иставать от такой мучительной и, признаюсь, очень тяжелой тяжды.

Первая любовь ищет только высказаться, не разбирая на какой предмет падет ее выбор. Здесь случай. Мы после уже узнаем, что любили бог знает что — потребность любить, а не любовь. А эту потребность мы считали за самую любовь.

В порыве ревности, тревожимый сомненьем
 С вопросом горестным стою перед тобой
 Открой мне первое души твоей волненье
 И первую любовь открой мне — все открой.
 Скажи мне, на кого с участием, с желанием
 Застенчиво был взгляд твой обращен,
 Кому ты принесла то сладкое страданье
 Страданье первое — и сердца первый стон.

* Так у автора.

Дурак! Чего ты просишь? О какой первой любви ты говоришь? Где она? Где ты ее заметил? Дурак! Разве может быть первая, вторая, третья, четвертая любовь. Она одна. Она первая и последняя, начало и конец, альфа и омега. Первую любовь так же глупо отыскивать, как глупо отыскивать в наше время между людьми первого человека, Адама. Любовь неделима, нераздельна.

22 января 1844 года. Хотел отдать письмо, но как-то не отдалось. Решился завтра непременно, во что бы то ни стало.

23. Воскресенье. Иду в 12 часу. Дождался четверть часа, потому что были у обедни. Наконец, ушел и отдал в 1/2 двенадцатого.

Январь, 1844 г. Задумал о женитьбе.

25 января — ответ на мое предложение.

25. Вторник. Был второй разговор.

27. Четверг. То же.

1. Февраля. Вечер до 1 часу — разговор.

2. Среда. Прости. После вечерен.

13 февраля в воскресенье. У нас Настасья Петровна, Наталья Петровна и явились Тоны. Были Каменев (у меня он жил) и В.Н. Татаринов, студент.

Июль 1844 г. Ходил с Тромониным¹⁸ в Марьину Рошу. Осмотрели немецкое кладбище. Списали надписи на плитах.

1845 г.

10 июня. Воскресенье. У Снегирева утром. Первый вопрос, которым он встречает меня почти каждый раз, был: нет ли чего новенького в стареньком, разумея под сим архивные разыскания. Я ответил отрицательно, потому что, не зная что ему нужно особенно, не хотел открывать моих выписок, которые очень пригодятся со временем мне самому. Потом разговор зашел о П.М. Строеве. Он прочел речь в заседании Исторического общества¹, которая наделала много шума, очень невыгодного для автора². Иван Михайлович рассказывал, что эта речь не понравилась всем, что граф³ даже побледнел, а один член, недавно приехавший из Санкт-Петербурга, г. Сахаров⁴ (для разысканий относительно полной Славяно-русской библиографии) сказал будто бы: да это просто донос, автору следует пощечину дать. Если так, то г. Сахаров не хорошо себя рекомендует. Не донос в этой речи, а вопиющая правда, только резко сказанная.

Иван Михайлович подарил мне свою брошюру об Измайлове селе. Читал свою статью о древней архитектуре русской. Много нового, доселе нигде не печатанного и, следовательно, не читанного. Особенно номенклатура полна.

От Ивана Михайловича к П. М. Строеву, который также рассказал о своей речи, — что совсем не понравилась. Он думает, что граф будет мстить. Я возразил, но он сказал, что худое скорее сделают, нежели хорошее,

езде. Между прочим, заметил разность старинного воспитания дворян от нынешнего. Говорил, что в его время, пред 12 годом, все молодые люди вели образ жизни со всеми военными походными лишениями, одним словом, по спартански, а ныне — какая изнеженность, какие болезни постигают молодых людей, какая скорая, рановременная смерть и проч.

16 июня. В Измайлове с Корнелием Яковлевичем Тромониным. Осматривали развалины приспешных отделений дворца⁵, которого теперь не существует. Смерили. Запаслись обломками цветных кафелей с собора Измайловского.

19 июня. Были с Тромониным у Погодина⁶. Здесь скажу, что когда я первый раз был у Погодина и на его вопросы отвечал, что занимаюсь русской историей, он мне сказал между прочим: держитесь крепче за землю. Vis*. От него — на Воробьевы горы. Смотрели в трубку**.

23 июня. Суббота. Утром в три четверти десятого пошел к графу в первый раз⁷. Сначала он меня несколько сконфузил. Когда я вошел к нему в кабинет, он, должно быть, спросил, что мне нужно. Я не слышал и подвинулся к нему. Он еще что-то проговорил. Я еще подвинулся. Он встал. Я отодвинулся. Он в сердцах спросил: ваша просьба, кто вы? — Письмо из Оружейной палаты. — Ну, вы так бы и говорили. Я промолчал. — Как вас зовут? — Забелин. — Где вы воспитывались? — В Сиротском доме под попечительством Дмитрия Львова⁸.» — И только там? — Только, ваше сиятельство, но я занимался постоянно наукой. — Где вы занимались? — Дома у себя. — В университете не были? — Никак нет. Но я слушал лекции. — Какие? — Всеобщей истории, русского законодательства⁹. Пишет записку. — Вам не родня у нас в Твери Забелин? — Никак нет, ваше сиятельство. Я тоже из Твери, но это дальние. Отдавая записку, он сказал: вы будете у нас в отделении для изданий «Древностей российского государства»¹⁰, будете хранить и проч. Я уже ничего не слышал в умилении от этих слов. — Все зависит от вашей исправности. Это продолжиться долго. У меня навернулись слезы от радости. — Вы сколько получаете жалования? — 500 рублей, ваше сиятельство. — Это мало. Обошелся благосклонно.

Киселев Ал. Гр.¹¹ рассказал мне следующее. Один губернатор, генерал, выражал собою тип нашего допетровского барства. Он имел секретаря, который сопровождал его всюду. Пригласили генерала на званый обед к одному важному человеку. Генерал по обыкновению явился с секретарем своим, и когда попросили гостей к столу, то генерал примолвил хозяину, указывая на своего секретаря: «А этого в буфет. Там ему накрой». В другое время на желание хозяина посадить этого секретаря вместе с гостями за одним столом генерал ответил: «Ты, братец, уж хочешь со мной посадить всякую свинью». И потом, на усиленные просьбы хозяина

* Vis — дважды (лат.).

** Подзорная труба.

согласился и сказал хозяину: «Его туда! Вон в уголок, на самый край, на край стола». Да, черта нравов! А все были довольны генералом, его честностью, прямою характером.

26 октября. В 6 1/2 пришел я в Общество. Вельтмана¹² еще не было. Поклонился Строеву, который сейчас же спросил у меня: «Как вы сюда, в качестве члена?» «Нет, в качестве чтения своей статьи.» В 7 часов прибыл Ив. И. Давыдов¹³, и заседание открылось чтением протокола прошлого заседания. После, член И. Д. Беляев¹⁴ начал читать свою статью о Несторе как летописателе. Статья длинная, состоящая в перефразировании слога Нестора. Прошел час в чтении. Строев спросил: «К чему клонится сия статья? Пока она состоит в перефразировании Нестора, будут ли ваши выводы, результаты из этого перефразирования?» — Они читались, мои выводы. — Зачем же нам читать то, что мы все знаем, что утомительно, скучно слушать? Все стали возражать против этого. Первые — Бодянский¹⁵, И. Давыдов, Шевырев¹⁶. Строев спросил Давыдова: ваше превосходительство, не наскучило слушать? Тот ответил, что приговор можно делать по прочтении. Строев ушел. (А прежде его ушел Вельтман.) Беляев продолжал, наконец, надоев всем, и Давыдов остановил его до следующего заседания.

Господин со звездой обратился ко мне: Вы ведь писали о вычитании¹⁷.

Я догадался, что это Ховен¹⁸, но притворился забывшим. Он напомнил и сказал: это ошибка, ни на чем не основанная. Я ответил, что с моей стороны приведены факты. Он сказал, что в моей статье кроме ошибок ничего нет. Я возражал. — Об этом никто ни слова. Это ложь. — Да, если никто прежде не говорил так, не следует из этого, что ложь. — Ложь, да и только. Об этом никто не писал. Эта новость — удивительная ложь. После пригласил меня на обед, расхвалил Троицкие походы.

1847 г.

Лето в окрестностях Москвы.

27 апреля. Воскресенье. Кунцево¹. Пошли через Дорогомилев мост. Самого моста, впрочем не было, а был паром да лодки. Подходя к парому, я услышал одного мужика замечание: «Вот и господа, а тоже нороят на паром, т. е. даром переехать. Но он ошибался, мы спешили и потому пошли к лодкам. На лодках пьяный мастеровой очень шумел, ругал какого-то барина, который побил его за матерные слова. В чертах лица его видно было самое тяжкое оскорбление, которое, однако ж, высказалось не при барине, а вдали от него. — Только частного нет, говорил оскорбленный. — Только частного нет, а то б я доказал ему. Вот будь частный... Да мой господин здесь. Я отведу его к господам. Сукин он сын, драться вздумал... Я ему покажу... Мои господа здесь.

Эти и подобные слова, из которых каждое обиженный скреплял еще другими словами, всегда и везде занимают приличное место в нашем бла-

гозвучном языке. В них выразилось все отсутствие воли, отсутствие личности в русском человеке. Он не говорил, например, о том, что как сметь бить, хотя били и за дело честного ремесленника. Он напирал на то, что и он такой же человек, разница только в ступенях общественной лестницы.

30 апреля. В Сокольниках. Встретился мужик с ученым медведем, который немедленно поклонился нашей честной компании. Мужик так пристал с требованием гроша, так по-медвежьи просил...

Немец ходит с шарманкой, с обезьяной, с рыле². Русский человек с медведем.

1848 г.

Из Москвы вышли в 5¹. За Кунцевым верст шесть стоит вежа для нивелирования. Пришли в Раздоры 9.15, которые, точно обетованная земля, не давалась нам в руки. Мы было приуныли немного, особенно, когда на вопросы наши: далеко ли? отвечали: 4 версты, 10 верст, 12 верст и т. д. Пришли почти под избы и ничего не видим. Слышно, что журчит речка и показалась грязь. Провидение сжалилось. Перейти посуху не было возможности. Как тут, порожем мужики, которые и перевезли нас весьма благополучно. — Самовар есть? — Нету, отвечали на постоялом дворе. — А где ж есть? — А вон там. Пришли. Самовар небольшой, но новый и потому очень опрятен. — Как бы что зажечь? — Да вот лучиночка. Э, да что-ж это при лучине, зароптали мы, но особенно Н. А. Где-то достала старуха свечи огрызок, вставленный в какую-то склянку. Пили чай и поили хозяев, которые рассказывали вот что. В Раздорах речка Чиченка, от Москвы 17 верст, до Саввы² — 31 верста. Не доходя с версту — высокое место, с которого обширный вид, называемый горою Баранихою. Уборы от Разборов — 12 верст, Барвиха от Раздор — 2 версты, от Барвихи Усово — 6 верст. От Усова Уборы — 4 версты. За Барвихою с версту дикое ровное место, называемое Мошки. От Раздоров влево, близ Подушкина — городище при речке Кобылене. В лесу в 5 верстах курганы. Возле Шульгина полверсты от Раздор 2 кургана на поле. Из Раздор вышли в 10 часов, не дожидаясь месячного восхода. Темно. Прошли Барвиху. Потом прошли Усово, где окликнул нас часовой и потом собаки. Спустились под гору, и, скинув сапоги, переправились босиком через речку. Дорога песчаная вельми [окруженная]* основным густым лесом. 12 часов ночи.

Пришли в Бугаево, думали, что это Уборы. Н. А. утверждал, что Уборы за рекой, но не настоял на своем, и мы благополучно прошли мимо, поворотив из Бугаева по дороге влево (на перевоз нужно было вправо). Пришли в Горки. Отсюда шли, шли, думали встретить скоро перевоз (пребывая все еще в затемнении, что идем в Уборы), но скоро показалось Успенское, или Малые Вяземицы. Оно шаг от шагу удалялось от нас впра-

* Вставка редактора.

во. Облака заволочили месяц, поднялся северный ветерок, мы оголодали и стали зябнуть. Подумали и решили поворотить на село. Особенно это желал я. Н. А. лазил на столб читать, но кажется ничего не разобрал, прочел только «Успенское». Несмотря на полночь, мы нашли неспящих и расспросили, как идти к Савве². Выходя из села, встретили направо что-то вроде гостинного двора, разумеется, в сельском объеме. Он выстроен для ярмарки. Налево — господские конюшни. Здесь мы купили на 7 копеек ломоть такого прекрасного хлеба, что ни в одном монастыре такого нет. Прошли с четверть версты, присели на льняные снопы и поели хлеба с язами³, да покурили трубки. Здесь нас так продуло, что Боже упаси. Было 1/4 3-его. Пошли. Что-то вроде болота, посреди которого бежал ручей. Налево мельница. Отсюда начался овраг, дорога — песок, а по сторонам, вверху лес прегустой. Настоящее Радклифское⁴ подземелье. Я не знал, когда кончится этот овраг. Шли долго и, наконец, я перевел дух. Рассветает. Показалось Иславское село, богатое, хозяйственное. Господского строения — пропасть. С горы шли, с высокого берега Москвы-реки — прекрасный вид. Кликнули Харона, шалаш которого прилеплен был к горе. Переехали на пароме и на той стороне с лодки стали купаться. В это время на двух тройках переезжали власти Звенигорода и ничего не заплатили, по обыкновению. Харон поропгал на это также по обыкновению. Увидели Грязь (село) и пошли по моему настоянию на курганы. Крюку почти ничего не дали. Вышли на дорогу, Звенигород — 4 версты. Н. А. сконфузился. Захромал. В 8 часов вошли в Звенигород. Городишка дрянь. К собору, который стоит внутри древнего города, вместе с винным двором. Собор⁵ одного стilia с Переяславским. Последний приземистее и кубоватее, а этот тоньше и очень также похож на собор в Саввинском, который может быть сделан по образцу Звенигородского. Звонили к обедне. Поглядели на фрески. Они XIII века. Подобие из Ризположения⁶ в Москве. Город обнесен валом, подле которого с восточной стороны, внутри города довольно глубокий ров. С севера вал вдвое выше, нежели с других сторон. К югу постепенно унижается, т. е. понижается. С востока и севера овраг. С запада овраг, по которому течет ручей. С юга — монастырь. Овраги больше поросли сосновым лесом. Дичь. Местоположение прелестное. Я согласился бы пожить хоть недельку. Вообще, подходы к Звенигороду и около древнего города носят один характер: горы, поросшие лесом. Саввин. Отправились в Саввин. Стали сходить с горы, а на гору поднимается ратман⁷ во всей форме с саблей на боку. Внизу ехали три экипажа. Ратман остановился, приосанился, оперся на саблю и стоял, созерцая проезжающие экипажи. Нас опередил уездный фронт, с такой же цепочкой на жилете, попался нам навстречу. Пришли к Савве 30 минут 10-го, а в 10 были в гостинице и пили уже чай.

Статья моя о масленице подала повод к довольно курьезным вещам, относящимся более к тем лицам, от которых явились эти вещи⁸. Аксаков сказал, можно писать, но зачем писать в таком тоне. Шевырев сказал, что

автор, т. е. я, плюет на гроб отцов, что он человек не благонамеренный, что изменил, а чему изменил — неизвестно. Но позвольте вам сказать по-басенку. В один департамент администрации приезжает ревизор. Сначала в этом департаменте все наслаждались безмятежным спокойствием, ничто не нарушало этой глубокой тишины, как со стороны начальства, так и со стороны совести. Приезжает ревизор, находит беспорядки. Что же он должен делать? Восхищаться или плюнуть?

1855 г.

27 июля. Среда. Из Мазилова¹ отправился в парк к В. П. Боткину² обедать — звал несколько раз. Застал у него Некрасова³ и Панаеву⁴ — живут у него. Вместе и обедали. Принят был весьма радушно. Некрасов изъяснялся в большом ко мне расположении. — Как бы я выпил теперь с вами (он болен, говорит шепотом от горловой, что ли чахотки), — и тут же мне объяснил, что это с его стороны означает самое главное расположение, ибо он пьет только с хорошим человеком, а с другим ни за что не будет пить. За обедом действительно подал маленькую, которую я один почти и выпил. После обеда приходил И. В. Селиванов⁵. Некрасов куда-то уехал а мы втроем пошли гулять и погулявши, хотели было отправиться домой, да остались выпить по стакану чая. За чаем В. П. и И. В. стали вспоминать о прежних своих знакомствах. В. П. очертил так невзначай историю кружка Белинского⁶. По его словам, одним из действующих моральных начал в этом кружке был Николай Станкевич⁷ — лицо идеальное, высокое своими достоинствами. Это был корень, который питался в свою очередь Венициновым⁸. В. П. отзывался о нем с величайшею похвалою, ставил его наряду с Христом — Вот — Христос! Гегелева⁹ философия была основанием. Религия и искусство — мир идеальный, вот где жили они: Станкевич, В. П. Боткин, Катков¹⁰, И. С. Тургенев¹¹, Бакунин¹², Ключников¹³ — Феос, как его называли в шутку. Великий юморист, знавший хорошо историю и как Феос, объяснявший ее весьма оригинально. Вот ты, брат, надувал средние века, говорили ему. Да, надувал, отвечал Феос и т. п. Под стихотворениями своими он (Белинский) подписывался — Виссарион гр. Б. Мир искусства и религии занимал этот кружок вполне. Найти истину — вот задача. Работали, учились, читали, спорили, писали целые тетради друг к другу. Скоро увидели, что Гегель дошел до пол пути только, утверждал положительную религию, положительное государство (Англию). Между тем, как наши дошли до противных результатов и тем принадлежали уже к левой стороне гегельянцев.

Во время такой настроенности является Фейербах¹⁴, с восторгом неописанным был он принят. На мир политический кружок смотрел свысока, как на нечто такое, о чем не стоит толковать. Поэтому он весьма косо посматривал на кружок Александра Иваньча¹⁵, когда они познакомились и сошлись. У Александра Ивановича все было в политике, в политико-

экономическом устройстве общества. Оба кружка друг друга восполнили. Александр Иванович начал читать и учить Гегеля, а Виссарион и К^о — Французскую революцию. Событие громадное по своим вопросам, ужасающее своим уверенным бессилием осуществить эти вопросы. Виссариона кружок не любил фразы Александра Ивановича. Ему не нравилась эта вычурность выражения. После сошлись. Но несмотря на благотворные основы кружка, он погиб бы, как погибли многие кружки, если б не явился достойный его орган — Виссарион, который перенес в литературу и общество все выработанное этим кружком, и постоянно переносил все вырабатываемое. Кружок был исполнен идеального — все действительное он почти презирал, смотрел свысока. Попоек и обедов не было, даже водки мало пили, один чай.

Виссарион отличался непостижимою быстротою понимания, готовый всегда отказаться ото лжи, если только ему докажут эту ложь. — А ты, брат, наврал, и очень наврал. — Как наврал, врешь ты сам, докажи, что наврал. — Ты, брат, наврал — и после доказательства Виссарион, как ребенок сознавался, что наврал и в следующем номере журнала писал: мы прежде ошибались и пр.

11 сентября. В воскресенье утром получаю записку: «Баронесса Раден¹⁶, фрейлина государыни, великой княгини Елены Павловны¹⁷ по приказанию ея Императорского высочества просит Ивана Егоровича Забелина пожаловать к ней сегодня в 7 часов вечера в Михайловский дворец¹⁸, что на Остоженке». Первая мысль о том, что вызов относится к моим писаниям или по поводу моих писаний. Вторая мысль — в чем идти, явиться. Аммуниции нет, сапоги худы. Отправился к Сухаревой¹⁹ и к Кетчеру²⁰. Кетчер говорит, пойдем к Грановскому²¹, он был в пятницу у Елены Павловны, стало быть знает весь обряд как явиться, в чем явиться, но нужно, кажется в черном фраке. Фрак-то и есть, но уж больно кургуз, старомоден. Приехал Солдатенков²², разговорились о затруднениях, представляемых недостатком амуниции. Кузьма Терентьевич вызвался дать свой фрак. Художник Раум, приехавший с ним, — белую жилетку. Все это впрочем меня не радовало. Я приуныл. Пошли к Грановскому. Спит. Дождался его. Нужно явиться в черном фраке, белом галстуке и белых перчатках. А в форменном можно? Можно в форменном. Это несколько порадовало, хотя и форменный мой старенек. Грановский дал свой галстук белый. Снарядился и к 7 часам явился. По приказанию баронессы Раден. Она у великой княгини. Ну, стало быть нужно подождать. Доложили и ввели меня в комнату небольшую, убранную весьма и весьма просто. Дожидаюсь один. На столе под зеркалом, между двумя окнами лежит Ашполинарий Сидоний²³ с надписью К. Д. Кавелина²⁴. А, так вот откуда ветер подул. Я понял, что вызвали меня по словам и отзывам Кавелина. Ждем с полчаса. Наконец, вошла баронесса и извинилась, что заставила меня ждать. Сел по ее предложению. Разговор начался вяло, сквозь зубы. — Нам об вас много говорил Константин Дмитриевич. Вы хорошо знаете Москву и ее

старину? — Не смею о себе ничего говорить, а могу только сказать, что я давно уже занимаюсь русской стариною, а так как старина в Москве, то знаю и Москву. — Вы в Оружейной палате служите. — Нет, я уже не служу²⁵. Разговор пошел об Оружейной палате. — Какая замечательнейшая там вещь — шапка Мономахова и объяснение ее истории. Потом перешли к устройству палаты. Она заметила, что иконы размещены не по порядку, не в системе. Отчего? Я объяснил два борющихся начала — меблировку и ученую систему. Меблировка победила, потому что представители ученой системы слабы и не могут доказать положительно, как должны быть размещены вещи. Коснулись многих предметов. Наконец, баронесса встает и говорит: «Вас великая княгиня желает видеть», — и повела меня. Это так было быстро сделано и сказано, что я не успел ни о чем подумать, как очутился у великой княгини. Вместе с входом она спросила — Вы не служите в Оружейной палате? Баронесса успела уже передать ей об этом. Затем пошел разговор о термах. — Я была в дворце, в термах, мне кажется, они возобновлены не совсем верно, например стекла, живопись, иконы и т. п. Я развивал, подтверждаю. — Почему не обращались к ученым людям? — У нас, ваше императорское высочество, не в обычае обращаться к ученым. Каждый начальник убежден, что всякое поручение он может выполнить сам собою, без посторонней помощи. Он убежден, что все знает или все должно знать, ибо он начальник. Притом в настоящем случае, хотя и обращались к ученым, но к ученым заслуженным, имевшим уже штемпель, клеймо знатока, ученые точно также, хотя специально и не занимались этим предметом, но как ученые по обязанности, должны были что-нибудь да ответить. Ответили общими местами, из которых начальство ничего не могло извлечь полезного и еще более убедилось, что оно больше ученых знает и т. д.

Разговор был быстр и перелетал как-то легко с предмета на предмет. Я с первого же раза почувствовал такую свободу, такую свободу, что нигде, кроме друзей не чувствовал этой свободы. Совершенно забыл, что сижу с дамами, да еще высочайшими. Как есть Забелин, так и высказался им, явился со всеми своими привычками, руки, как всегда, говорили не меньше языка. Говорили о Валуеве П. С.²⁶, губителе древностей, начальнике Кремля и его действиях. Он был дурак, заметила еще в начале княгиня.

Говорили о древнем платье, я объяснил ей женский и царский наряд, при чем указывал даже по поводу складок и боров назад, указывал им на свою спину, объясняя эти боры.

— Цари все ходили Богу молиться, а когда ж они царствовали? Это одна из тех фраз, которые не раз затрудняли мои ответы. Я не понимал и не знал, что говорить. Приведенная фраза еще самая понятная. Великая княгиня не раз обращалась за объяснением моих слов или за передачею своих мыслей ко мне к баронессе. — Где вы служите? — В Дворцовой конторе. — Это там, где приходы и расходы, и переписка. — Точно так, но

я занимаю такое место, где уже груды писанной бумаги сваливаются для хранения. Я помощник архивариуса. — Как вы стали заниматься? Объяснил. Великая княгиня встала — это был знак вставать и уходить. Я откланялся. Баронесса догнала меня в коридоре и объяснила, что великая княгиня приказала составить мне план обозрения московских древностей. — Когда прикажите? — Как вы? — Через день, через два я представляю. — Это, может быть, скоро для вас? — Нет, это меня не затруднит, у меня все наготове, стоит только распределить. Во вторник я могу вам представить.

Во вторник 13 октября в 7 часов вечера я опять явился во дворец. Но великая княгиня собралась ехать ко Всенощной в Успенский собор накануне Воздвиженья. Раден я застал совсем одетою. Она объяснила, что они сейчас едут. Взошла другая фрейлина — Штрандман²⁷. Раден рекомендовала меня. Раден была так любезна, что тот час же понесла мой проект обзора московской старины к великой княгине. Я перед этим объяснил ей, что не худо бы для них исторически объяснить план Москвы. Она доложила об этом. Тот час же воротилась и сказала, что великая княгиня назначает четверг, утром в 11 часов для выслушивания моего объяснения. Между тем как Раден ходила к великой княгине, я побеседовал с Штрандман (фрейлина) о девичьем монастыре. Она заметила, что монахини ведут себя неприлично своему сану. Поговорил о причинах этого, о невежестве вообще монашествующих. Причем она заступилась за мужские монастыри. Тот час же я откланялся и отправился домой с крепкой думой о том, как я явлюсь утром в своих старых сапогах и старой амуниции.

14 в среду съездил в город, кушил сапоги и перчатки.

15 в четверг явился снова во дворец в 11 часов. Прождал около часу Екатерину Михайловну²⁸, которая также пожелала меня слушать, объяснила мне Раден. Раден во все это время была ко мне чрезвычайно внимательна. Я дождался в гостиной великой княгини. Позвали. Принес я свой план Москвы (Топографическое Дело 1843), развернул на столе пред великой княгиней. Она сунула пальцем на Кремль, и я начал рассказывать историю распространения и древнего устройства города.

Вопросы быстро сменялись вопросами, я не успевал отвечать, но отвечал удовлетворительно с необходимыми объяснениями. Екатерина Михайловна также впадала в разговор. Объяснял значение боярства в древней Руси по поводу загородных их домов, несчастные свадьбы царей, разрушенные интригами и т. п.

В час с четвертью дело было кончено, я раскланялся. Вышел я недовольный собою. Многие еще хотелось объяснить и рассказать, да и то, что рассказал без системы [сказать]* как бы желалось. Великая княгиня сбила мою систему, и дело вышло вразброс. С недовольством и в раздумье прожил я до субботы. 17 сентября — день моего рожденья. Сел обедать. Пришел Николай Иванович Давыдов²⁹, выпили водочки, поели порядком.

* Вставка редактора.

Закурили трубки, все разговаривая о моем посещении Михайловского дворца. После обеда я не способен никуда. Вдруг, говорят, едет ко мне в коляске кто-то. Я спрятался. Дома нет. Оказалось, приезжал делопроизводитель великой княгини и привозил перстень³⁰. Это была радость для меня во всех отношениях полная. Он просил приехать за получением в 6 часов вечера и уведомить П. Ив. Иванова. Поехал, привез домой подарок с изумрудом и бриллиантами. Я очень, очень был рад этому подарку. Он дорог для меня во многих отношениях, о которых я и поговорю...

1857 г.

30 декабря. Понедельник. В заседании Исторического Общества 28 числа граф Строганов пригласил меня в этот день, 30 декабря: Поговорить мне нужно с вами. — Приглашение выражено было в весьма вежливых формах. — Когда вы бываете свободны, спросил он. — Как вам угодно, я могу придти по вашему назначению. Я, как купец в лавке, всегда более или менее занят. — По каким дням бываете вы в этой стороне, т. е. подле него. — Я теперь не хожу. — Ну, так в понедельник. — Очень хорошо. Явился утром часу в 11-м. — Где вы, Забелин, служите. Первый вопрос. — В Дворцовой конторе архивариусом — должность не рельефная, но покойная и дает возможность заниматься. — Ведь вы еще преподаете в межевом институте¹? Государь мне поручил всю археологическую часть, находящуюся в заведывании Перовского², при Кабинете. Я хочу составить Комиссию³. Вы не откажетесь? — Помилуйте, ваше сиятельство, вы меня осчастливите. — Я думаю пригласить сюда Кене⁴ — он, кажется, лучше всех других по западной археологии, Савельева П. С.⁵ по нумизматике, русской и восточной археологии и вас по русской. Вы будете получать 1000 рублей в VI классе. Так вы не отказываетесь? Все это велось в формах самых деликатных, благородных, вежливых. — Так как вы уже имеете место, то я вас с него не трону, а вы будете ездить время от времени в Санкт-Петербург на неделю, на две. Зависеть будете только от моего лица.

1858 г.

С 17 на 18 января, с пятницы на субботу заболел сильно и опасно воспалением легких и теперь 10 февраля еще не схожу с постели.

1859 г.

15 января. Четверг. Утром был у меня С. М. Соловьев¹. — Что нового? — Утвержден новый попечитель — Исаков². Запрещен «Парус»³ по телеграфу, вчера. — А что письмо Чичерина в 29 №²⁴ — Да вы знаете мое мнение, ответил Соловьев. Я согласен с Чичериным. Я стал оспаривать и прочел письмо Кавелина к Чичерину. На Соловьева произвело это пись-

мо неприятное впечатление. Сильно заспорили. Разгорячились. — Вы хотите изменить теперешний состав лиц, следовательно, говорить с вами нечего. Когда он распрощался и вышел в переднюю, я шел за ним с каким-то странным чувством. Что-то хотелось ему сказать или как будто он отнял от меня что. Я проводил его даже в сени, как бы не желая его отпустить из дому. Он подействовал на меня как-то странно. Мне было очень тяжело.

Вечером был у К. П. Победоносцева⁵. Ему прочел оба письма. Это другой человек, у которого и сердце есть и верный взгляд на дело — взгляд не книжный, а жизненный, из самой действительности. К.П. рассказывал о новом подвиге Погодина с Аксаковым. Аксакова Ивана⁶ он любит больше всех на свете. В альманахе «Утро»⁷ не пропустили его статью полуполитического содержания. Он ее в «Парус» с условиями: сказать в примечании, что она была в «Утре», но там не прошла и потому является в «Парусе». Аксаков, разумеется, не согласился на такое примечание. Он исключил также некоторые места и послал об этом записку Погодину. Тот долго не отвечал, и N вышел. Тогда озлобление Погодина дошло донельзя. Он в редакцию «Московских ведомостей» к Валентину Коршу⁸. Присылает наиругательнейшее письмо «Парусу» и просит напечатать. Корш едет к Аксакову и через Максимовича⁹ как-то улаживает дело. Но письмо все-таки напечатано другое, к Аксакову, также ругательное.

Был еще у Буслаева¹⁰. Там сочувствие письму Кавелина, т. е. скорее несочувствие Чичерину. Особенно Котляревский¹¹, который вообще кажется добрым малым, страшно русским человеком. В его разговоре заметна какая-то удаль, маленькое хвастовство, хлестаковство, напоминающее доброго, веселого парня, разгулявшегося, расходившегося.

16 января. Пятница. Вечером был у меня Калачов¹², нынче только приехавшего из Петербурга. Он приехал вербовать старых в свой «Архив» и покончить с четвертою книгою «Архива» прежнего, которая у меня на руках. Рассказывает, что «Парус» не запрещен, что только выговор цензора. Священник Белюстин¹³, написавший в заграничной сборнике о сельском духовенстве, сильно было пострадал. Самое меньшее ему назначил Синод ссылку в Соловки. Но, говорят, Фамилия, которой книга очень полюбилась, отстояла или отстаивает. Дело было будто бы так. Погодин привез Толстому¹⁴, обер-прокурору, рукопись этой книги, думая тем ему угодить. Толстой, прочтя, ответил, что ее надо сжечь, и действительно, говорят, сжег, т. е. Погодину не возвратил. Погодин послал черновую в Париж к Трубецкому¹⁵. Потом она напечатана и неожиданно явилась Синоду. Гвалт. Погодин недавно ездил будто бы в Петербург отстаивать Белюстина. А Белюстин, не знавший ничего, стотовил и еще рукопись о чем-то. Калачов ему объяснил в письме, что не время. Как эта история пошибает письмо Чичерина.

Цензоры утверждаются Драшусов¹⁶ и Наумов¹⁷ — об них только запрос к Закревскому¹⁸. Что за глупая история с представлением меня в цен-

зоры*. 19 декабря 1858 г. в субботу и понедельник Валентин разговаривая о том, что Ковалевский¹⁹ предлагает Бахметьеву²⁰ в цензоры на место Крузе²¹ Ундольского²², шутя отнесся ко мне: Иван Егорович, не поедете ли в цензоры. Я говорю, да на полгода разве — больше едва ли просуществую. А цензор ему был очень нужен, ибо от Безсомынина²³ он проку не ждал. Он, любезный Валентин, схватился за эту мысль, как за якорь спасения и стал убеждать меня идти в цензоры. Его поддерживали все. Я упирался — выразившись, что в цензоры, все равно, что в министры финансов назначить меня как-то странно. Так это и осталось. 21 декабря, в понедельник ко мне является столоначальник дворцовой канцелярии Муравьев²⁴ и говорит, что Бахметьев просит меня к себе в 12 часов. Еду. — Я представил вас в цензоры. Ошеломил. — Я четырех кандидатов представил и вас впервых. Если не утвердят, я вас вновь представляю на имеющуюся открывшуюся вновь вакансию. — Благодарю. — Заверните ко мне вечером, мне хочется с вами познакомиться. Это три минуты все продолжалось. Я к Валентину. — Батюшка, что вы делаете. — Как что, вы ведь согласились? Да, отказываться нельзя, разве так делают. Валентин объяснил, что Катков представил двух кандидатов, Драшусова и Наумова и так в представлении написали всех вас четверых и меня первым с великолепною аттестациею. Пошло представление, по городу разнесся слух. От Крузе было потом известие, что утвердили Драшусова на место Крузе, Наумова вновь, а меня будто на шестую еще новую вакансию. А Калачов нынче уверяет, что представление в Петербурге было только о двух теперь утверждаемых. Это верно, но без сомнения, переделал Катков К°. 5 февраля в четверг Катков присылает ко мне письмо — что, если я хочу в цензора, то нужно хлопотать и, главное, ехать в Санкт-Петербург немедля, что он дорогу мне очистит, употребит все силы. Отправился за решительным советом к Кетчеру, который решил: «Ехать непременно. Только, брат, готовься на всякие неприятности и ругательства, но делать дело можно. Неприятности со стороны всех противников цензурных тисков. Да, на это смотреть нечего. Крузе, конечно, делал хорошо, но неосмотрительно и опрометчиво. Тебе следует действовать умеренно и осторожно и будет ладно». Вот сущность нашего разговора.

От Кетчера я полетел к Каткову. Решено завтра ехать. Катков убеждал меня, что я именно тот отличный элемент, которого теперь не достает в Цензурном Комитете, что там все люди образованные и хорошие, но не достает в них энергии, характера, которые будто бы я способен туда внести и дать единство целому Комитету. Так, так-так, поехал в контору взять отпуск на 8 дней. Я беру отпуск, а чиновник особых поручений Агеев сует мне мой рапорт о числе сделанных в архиве описей за январь. Трубецкой²⁵, ишь, наложил резолюцию, благодарит меня за деятельность, да и велел иметь меня в виду при представлении к награде. — Вы имеете Анну? —

* Далее идет пересказ событий.

спросил Агеев. — Нет. — «Так Трубецкой велел вас иметь в виду, ибо и по статусу вам следует». Эту любезность я принял за желание поощрить меня остаться на службе, ибо я распустил слух, что хочу выходить.

В пятницу 6 февраля я отправился к Кетчеру и оттуда к Коршу, желая выслушать советы. Между тем, утром я получил несколько рекомендательных писем к Строганову, Делянову²⁶ и к тому же Извольскому²⁷, Бахметьев дал к кн. Оболенскому²⁸ с советом передать как-то княжне, а не самому князю, который будто бы забывчив и т. п. Все это подействовало на меня отвратительно, и я готов был отложить поездку. Никогда и ничего я не искал во всю жизнь, невыносимо тяжело и тошно было место искать, да еще места, к которому чувствовал страшную антипатию. Поехал за советом. Корши гонят. Я обедал у них и сидел как к смерти приговоренный. Так мне было грустно, больно. Точно сделал какое уголовное преступление. Вечером был бенефис Михаила Семеновича²⁹. Отправился туда, чтоб повидаться и поспросить советов. Все единогласно гонят меня.

7 февраля, в субботу взял мешок и поехал. Приехал в воскресенье, остановился у Казанской за 80 копеек в день. Прямо к Строганову. Не застал, в час будет. Поскакал к Кавелину. Кетчер гнал меня прежде всех к Кавелину, но мне хотелось начать со Строганова, как от главной точки. Случилось не по-моему. Кавелин прямо против моего цензорства, говорил, я бы ни за что не желал вас видеть в этой пакостной, тошной, трудной должности. Отлегло у меня на сердце. Я решил уже кончить, бывши почти уверен, что Строганов тоже против этого. Поехал к Строганову. Он спешил в университет на акт. Следовательно, пришел я не очень кстати. Но он принял любезно и сам начал о цензорстве. Я, говорит, не постигаю, как вы — цензор. На эти места есть другого сорта люди, которые ищут место. У вас есть занятие, которое вы должны бросить и т. д. Одним словом, я не могу понять, чтобы вы были цензором. Теперь мне некогда, приходите завтра, мы будем говорить о другом. Обедал у Кавелина. В тот же день успел быть у Анненкова³⁰, Галахова³¹. Галахов заметил, что он в настоящее время не желал бы взять на себя двух обязанностей — цензора и журналиста. На другой день в понедельник граф Строганов объяснил, что Археологическая комиссия утверждена государем, и что он по обещанию назначает меня членом. — О цензорстве, конечно, вы перестали уже думать. Когда вы едете? Зайдите ко мне пред отъездом. В тот же день был у Калачова, но не застал. Обедал у Тургенева по приглашению Анненкова. Обед был по случаю Литературного фонда³², о котором они хотели подавать просьбу. Были на обеде Тургенев, Анненков, Галахов, Кавелин, Гончаров³³, Краевский³⁴, Егор Ковалевский³⁵, которого Галахов часто называл вашим превосходительством, Чернышевский³⁶, Дудышкин³⁷, Дружинин³⁸, Никитенко³⁹ и я, 12-ый. На другой день был у Попова Александра Николаевича⁴⁰. Обедал у Кавелина с Галаховым и его женою, отсюда заходил к Безобразову⁴¹ В. В среду намеревался отправиться в Михайловский дворец⁴², но такая погода, что весь измок, и следовательно, к даме

явиться было неприлично. Отправился по приглашению Попова к нему в канцелярию Блудова⁴³. Представляли Блудову, я благодарил его за награду⁴⁴. Случайно рассказал ему о своем цензорстве. Он то же говорил, что Кавелин и Строганов. В заключение просил, чтоб я присылал ему все, что буду издавать из своих трудов. Проводил любезно. Отсюда к Чернышевскому. Провел у него часа два. Обедал по приглашению еще в понедельник у Краевского, где были Тургенев, Галахов, Дудышкин, Кавелин, Гончаров, Баталин⁴⁵, Анненков. Галахов страшно срезал Тургенева, который, разговаривал со мной о давешнем своем обещании издать мой Быт⁴⁶. Галахов весьма резко и может быть кстати хватил, что он де все врёт и ничего не исполнит. Слышал ли Галахов в чем дело — не знаю, но Тургенев сильно сконфузился. Обед был отличный и заметно было, что я был первым гостем. Краевский свое дело знает.

В четверг в Москву, куда уже меня сильно потянуло еще с воскресенья. Заезжал к Галахову, закусил у него и отправился. Он был именинник или рождение его что ли было.

5 мая. Вторник. У Пикулина⁴⁷ делал обед Крузе — прощальный. Были Кетчер, Корш, Солдатенков, Щепкины Н. и П.⁴⁸, Мин⁴⁹, Крузе с братом, Вас. Боткин, Жемчужников⁵⁰, Павлов Н. Ф.⁵¹, Сатин⁵², Бабст⁵³, Валера Корш, Афанасьев⁵⁴. В. П. Боткин сказал два-три хороших слова, самых теплых и выражавших вполне значение деятельности Крузе. Кто, господа, знает историю Германии или Австрии или другого государства, где бы человек и притом чиновник правительства смел честно [выступить]* против абсолютизма, вот честный протест против того же правительства.

25 ноября. Кавелин говорил, что вы в Санкт-Петербурге сейчас почувствуете себя стертым, каким-то четвертаком, полупомещиком.

Почему развилось самодержавие, единодержавие. Потому что в народе лежат такие элементы. Следовательно народ, народ в том виноват, а не кто другой, не черт, не дьявол.

В Америке не было тех элементов и не создалось, но все-таки единство — и это был счастливый исход колониальной жизни. У нас прежде — родоначальник, сменяющийся хозяином, государем и царем в отвлеченном понятии самодержавной, народной власти. Казаки как управляются?

Факты исторические то же, что факты естества, природы. Они служат материалом для отвлечения. Из них — общие понятия, следовательно, новые факты, только высшего порядка, а, следовательно, и бояться нечего за их великое разнообразие и неисчерпаемую многочисленность. Нам нужно найти в них идею, душу, а все их многообразие есть несущественно. Много зерен гороха, а понятие горох одно. Каждое зерно имеет разницу от другого, но все-таки одну идею гороха.

* Вставка редактора.

1860 г.

20 января¹. Обедал у Дудышкина, который случайно пригласил меня, встретивши у Бестужева². Были Бестужев, Альбертини³, Котляревский, Кожанчиков⁴, Корсаков⁵. Говорил Дудышкин о том, что нужно бы издать мой «Домашний быт» именно теперь. Все это подтверждали и убеждали. Не в первый раз это я слышу уже от многих.

22 января. Обедал с Пыпиным⁶ у Чернышевского. Жена его милая особа, вроде цыганки. Недурна собою, и супруги, кажется, до сих пор по уши влюблены друг в друга. После обеда она поила его кофе, перемешанным частыми поцелуями. Села к нему на колени, обняла голову, давала по глотку кофе и по поцелую. Шутя, он жаловался на самодержавную власть и говорил, что мы де положили штрафу полтинник за всякое изъявление самодержавия. Разговаривали о государственности и народности, о принципах соловьевой истории и костомаровских лекциях. Я сказал, что у Костомарова⁷ взгляд казацкий. Чернышевский отстаивал казачество как элемент погибший от самодержавия. Меня поразила совершенно легкая почва его суждений об исторических элементах жизни, совершенное нежелание вникнуть в силу развивающихся начал, цивилизующих и их различие от простых явлений племенных, природных.

24 января. Воскресенье. Нанял квартиру за 550 руб. в год. Отправился к графу*. Наняли? — Нанял. — Вам деньги нужны? — Да, внести вперед за треть. — Вот вам 200 руб. За январь-февраль. О подъемных ни слова, а у меня язык не поворотился. К вечеру однакож, я успокоился. Написал письмо к своим. Думаю, завтра он все даст, ибо обещал.

25 января. Понедельник. Отправился к графу. [Граф:]** Вы когда будете в Москве? — Да дня через два или три. Да я хотел просить ваше сиятельство, вы изволили в прошедший раз назначить мне подъемные и за теперешнюю поездку. — Как, когда, я не помню. Вот тебе и пилюля. — Ваше сиятельство изволили даже и выразиться, что назначите 300 руб. и за теперешнюю поездку. — Как же я вам из наших дам, как члену Комиссии? Да кажется этого нельзя. Закона нет. Анциферов прибавил: дают ваше сиятельство на подъем, когда перемещают чиновников на места. Граф: нужно справиться. Зайдите же послезавтра утром. Вы знаете, я на казенные деньги скуп. Из каких же денег я вам дам? — Я уж не знаю, ваше сиятельство. Только мне переехать нельзя будет. Раза два еще в разговоре я повторил, что вы де изволили обещать, и на поездку теперешнюю изволили обещать. — Да ведь я вам дал 100 руб. — Я получил, ваше сиятельство. — Вы знаете, где живет Линевиц⁸? — Внизу, известно, ваше сиятельство. — Так зайдите утром послезавтра. Я посмотрю, может можно ли будет. Вот пилюля, вот она жизнь-то. Ломался с 8 по ноябрь, укладывался, убирался. Поскакал, как угорелый в Санкт-Петербург. В Москве отказал-

* К С.Г. Строганову.

** Вставка редактора.

ся от места институтского. В Петербурге, как угорелый 10 дней бегал, отыскивая квартиру. Отыскал, дал задатку 20 руб. Нанял в год по контракту. Надо купить дрова, мебели. А тут тебе и говорят, что не помнят, чтоб назначали на подъем, в то время, когда с такою особенною и преособенною любезностью делали предложения, не заикаясь дали 100 руб. на путевые издержки и сказали, изволили сказать: Я вам дам на подъем 300 руб. и на то, что вы приедете. Экой я легкомысленный, доверчивый, чего я бросился. Да и как отказаться? Черт знает, что такое. Вот пилюля. Ни одного порядочного дела со мной не делалось без таких и подобных пилюль. За что все это, в чем я виноват. Сорвут с места, замутят, закружат, да и посадят с отчаяния в какое-то безвыходное состояние. Приходите послезавтра. Да знает ли он в каком я положении остаюсь до послезавтра. Как проведу эти 43 часа. Мне нужно писать и подписать контракт на квартиру, купить дров, хотел завтра мебель покупать. К чему это все, зачем я буду покупать, чтобы после все побросать здесь? Чувствую, что если он скажет мне что-нибудь такое нескладное, я тот час бухну и откажусь. Черт его побери. Найду кусок хлеба.

Ходил по комнате и в мыслях совершенно решился остаться в Москве, т. е. наотрез отказаться от всяких благ будущих. Если он мне не даст всего, что обещал, то откажусь. Непременно откажусь. Разумеется, потерю оба места.

Первый час дня. Фу ты как тяжело, какая тоска, немочь, чем все это кончится. О, если бы остаться в Москве, хоть без всех обещанных и настоящих мест. Черт и побери. Может будет еще тяжелее добывать кусок хлеба. Да была, не была. Как бы я был рад, чтоб меня оскорбили отказом подъемных.

Целый день до девяти часов просидел и пролежал, ошеломленный графом. В 9 часов пошел от скуки к Соловьеву. Очень был рад. Рассказывал о богатых материалах в Государственном архиве⁹, о царе Алексее Михайловиче, характер которого все более и более выясняется так, как и я его понял в статье своей на Бессонова¹⁰. Разговаривали и о преподавании наследнику. Говорит, что слушатель внимательный, но забегает вопросами. Хочется все знать сейчас же. Нынче был болен. А если вы больны, сказал Соловьев, так я просто поговорю с вами. Обрадовался ужасно. Строганову его положение попечительское тяжело. Гримм¹¹, читающий всеобщую историю, ему не нравится, но он не может сделать ничего. А ухваткито у нас, говорит, медвежья, резкость. Вот факт.

Исаков московский и Пирогов киевский¹² желают растворять двери университетов, чтоб валил туда народ. Зиновьев¹³ и Строганов против, причем Строганов заметил, что Пирогов — хирург, что он бы никогда хирурга не сделал попечителем. Исаков правильно выразился о Строганове, что он живет только старым, не замечая, что время идет вперед и что удержать старого уже невозможно.

Соловьеву и Буслаеву по 3000 в год, да на подъем по 500 руб. Соловьев и не знал, что Строганов меня взял лично себе и свое жалование дает, а не на казенное положение меня определил. Вот так штука-то. И Соловьев этого не знал, а я как же мог узнать. Я ему пожаловался. Возвратился домой несколько успокоенный тем, что в Государственном архиве много есть материалов для «Домашнего быта».

27 января. Среда. Что за глупый день. Отправился к Строганову за подъемными. Он мне сказал, что я ведь вам обещал дать из своих, а не из Комиссии. Мы из Комиссии не можем давать. — Ваше сиятельство, дают и из казенных, это зависит от воли начальства. — Когда вы едете? — Мне писали из Москвы, что вы назначались секретарем при наследнике. Вы говорили об этом. — Зачем, батюшка, это было между нами. Я вам говорил не с тем, чтобы вы всем рассказывали. — Я говорил, что ваше сиятельство желаете пристроить меня при наследнике и особенно при путешестве. — Как это? И кислая рожа. — Я не доволен этим. Взявши деньги, я и начал: ваше сиятельство, я хотел вам объяснить, что мне чрезвычайно тяжело сюда приезжать. — От чего ж? — Я чувствую, ваше сиятельство, что по бойкости здешней жизни, по цене денег я здесь не сумею жить. Помосковски, например, 450 руб. — страшная цена, а здесь это нипочем. Если, ваше сиятельство, я не надобен вам особенно, я бы почел себя счастливым, если остался в Москве на тех же первобытных правах, какие вы мне обещали. — Да вы по крайней мере должны же будете сюда ездить. Мне необходимо, чтоб вы были при Комиссии. Кроме того, я хотел вам дать возможность заниматься здесь Румянцевым¹⁴ собранием Публичной библиотеки и пр. — Я же это могу делать во время моих приездов сюда. Мне в Москве все лучше. Мне будет здесь очень тяжело. — Ну, батюшка, я в таком случае не отвечаю за ваши душевные муки. У вас ребенок умрет, вы на меня свалите. Я тут не хочу брать на себя ответа. Я очень понимаю ваше положение. Я сам обжился в Москве и мне тяжело было сюда выезжать.

— Потом, ваше сиятельство, мне очень совестно, что я получаю от вас деньги. — Что же тут, я в средствах, я вам даю. И вы были бы в средствах, и вы бы мне дали. Это долг помогать. Я вам желал помочь. Обязан помочь. Следовательно, тут нечем смущаться. Это дело простое. Вы стало быть, хорошо меня не понимаете. Что же вы в первый раз мне не сказали?

— Простите, ваше сиятельство, увлекся. Простите моему легкомыслию. После этого я сказал: Я уверен, ваше сиятельство, что я не потеряю ваше расположение.

— Мы не расходимся. Вы будете сюда приезжать раза два в год на месяц. Я буду давать вам за это сколько вам будет стоить на вашу поездку, рублей 5 в день что ли.

— Этого много, ваше сиятельство. Я хотел просить в Государственный архив доступ. Я здесь, ваше сиятельство, на песке морском. Я нахожусь, так сказать, в кармане вашего сиятельства. Подо мной все зыбко, не прочно.

— Я понимаю вас, Забелин. Я сам обжился в Москве и мне очень тяжело было выезжать оттуда.

Дело вот в чем. Он в ноябре мне сказал: я дам вам на подъемные 300 руб. и на ваш приезд. Очень любезно обещал, с рукопожатием. Я 25 января запросил этих подъемных. Он затруднился. Я говорю: «вы изволили назначить». Ему нечего делать. Он: я, говорит, на казенные деньги скуп. Вишь, куда метнул. Как будто ни в чем не бывало. Придите, говорит послезавтра. Я позову Линевича и спрошу, можно ли дать. Анциферов говорит, дают. Линевич сказал, что хотя по чину Забелину и следует выдать 450 руб., но Комиссия не может этого делать. Прихожу я сегодня в среду. Вы, говорит, напрасно говорили, что я обещал вам выдать из Комиссии. Я свои обещал дать. Вы не так поняли. Я говорю, выдать можно, зависит от воли начальства. Я думаю себе, черт тебя побери, да и ты, чай хорошо понимаешь, что мне-то все равно откуда ни получить, а вот тебе-то не хотелось давать, хоть и обещал. — Так, вот возьмите триста рублей. Я взял. Он сказал, что из Москвы ему писали и пр. Я держу деньги, а потом и бухнул: «я и взял-то их содрогнувшись». Говорю и держу их и руках. А кончил все, положил ему на стол. Он: нет, это ваше, возьмите. Куда же мне. Следовательно, главная точка — сии подъемные, в которых он затруднился. Они-то и послужили яблоком раздора. Меня, брат, не обдуешь. А Соловьев был уверен, что я должен казенные получить.

28 января. Четверг. Был, откланивался у графа. Ну, что ж, когда вы едете? — Завтра. — Вы кончили? — Развязался. — Очень жаль. — Простите моей ветренности. — Нет, не ветренность, а все москвичи таковы. — Тяжело подныть? Теперь все перемены, отчего бы не переменить место, вы бы освежились здесь. Года на два, на три я желал вам сделать полезное. Я нынче говорил с Федором Ивановичем Буслаевым. Тот не верит. Линевич видел. Да, он, чай, изумлен.

28. Четверг. Обед у Галахова. Краевский, Дудышкин, Булич¹⁵, Пьпин, Чернышевский, Кавелин, Соловьев, Буслаев, Анненков. Кавелин раз пять принимался целовать меня. Было оживленно и весело, как и прошлый обед. Смеялись над моим подвигом.

29. Пятница. Был у Соловьева и объяснил ему свой подвиг, что я приехал на болото, могу провалиться¹⁶. Да, быть в крепости не могу. Он согласен с моими мыслями. Заметил, что Строганов не любит, когда выражают, что на него не надеются.

В Москве почти никто сему не удивлялся, а смеялись.

11 февраля. Четверг. Отрыжка историей. Пришел Мозгов, бывший мой ученик и сказал, что он отправил письмо своего отца в Санкт-Петербург на мое имя с титулом: секретарю и археологу при Попечительстве е.и.в.г.н. Что может быть мерзостнее, точно в нужник упал и вылез весь в говне.

17 февраля. Среда. Приходил вечером Афанасьев совещаться пойти ли в сотрудники Энциклопедического Лексикона. Я говорю, идти. Меж-